

Можно ли считать, что включение этих новелл в законодательный свод IX в. имело какое-либо актуальное значение и в какой-либо мере отражало действительное положение дел в IX в.? Мне представляется, что безусловно можно. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, что как раз в IX в. шел процесс реорганизации фем в восточных провинциях, а частью и на Балканах. Так, между 867 и 873 г. турма Харсиан, принадлежавшая к феме Армениака, была превращена в фему. При Льве VI эта фема была расширена (и притом значительно) за счет соседних районов фемы Букеллариев, Армениака и Каппадокии. Около 863 г. стала фемой и Колоней, стратиг которой упоминается впервые под этим годом у Продолжателя Феофана. В связи с разгромом павликианского движения стояло появление клисур Созополиса и позднее — Леонтокомиса. В период, разделяющий арабских писателей Аль-Гарни и Аль-Масуди, т. е. во второй половине IX в., была превращена в фему и Каппадокия⁵. Эти примеры, которые можно было бы умножить, показывают, насколько актуальными были для конца IX в. новеллы, о которых идет речь.

Разумеется, в IX в. положение во многом изменилось, но нельзя не учитывать и того, что для развития Византии вообще и развития византийского права в особенности характерна чрезвычайно сильно выраженная традиционность в терминологии, несомненно отражавшая в известной степени и сохранение традиций в реальной жизни. Так, например, термин «анфипат» в период развития фемного строя безусловно изменил свое значение. Тем не менее было бы неосторожным считать, что наличие этого термина в Василиках является признаком их несоответствия исторической действительности IX в. Достаточно напомнить, что термин «анфипат» по отношению к стратигу Каппадокии, да и вообще, сохраняется и в византийских табелях о рангах IX—X вв.⁶ Сохраняются в IX—X вв. и звания ипата, синклитика и др., которые отнюдь не являются полным анахронизмом, хотя носители этих чинов и званий совсем утратили свою былую власть. Поскольку эти звания удерживались, сохраняя за их носителями какую-то тень их прошлого величия, упоминание о них в законодательном памятнике нельзя считать признаком нежизненности последнего. Термины «синклит» и «синклитик», например, несмотря на известную новеллу Льва VI, лишавшую сенат всякого значения, так часто упоминаются в сочинении Константина Порфирородного «О церемониях», что многие исследователи приходили в отчаяние, тщетно пытались проследить какое-либо единообразие в терминологии. Известный комментатор этого сочинения Рейске считал, что Константин употребляет слово «синклитик» то в узком, то в широком его значении. По мнению Д. Беляева, термин «синклит» в X в. означает: 1) всю совокупность чинов высших и низших, 2) совокупность чинов, за исключением высших, и 3) только чинов синклита в самом тесном смысле, т. е. апоэпархов, силендиариев, веститоров, ипатов, дисипатов и т. д.⁷ Но раз это так, то и упоминание этих терминов в Василиках и воспроизведение соответствующих статей становится вполне понятным и правомерным, хотя в содержании терминов и произошли большие изменения.

Попутно отметим, что сопоставление Василек с другими источниками важно и для исследования самих этих источников, если точно проследить

⁵ E. Honigmann. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches von 363 bis 1071. Bruxelles, 1933, p. 43 ff.

⁶ J. V. Bury. The Imperial Administrative System in the IX Century. London, 1911, p. 148; V. Benešević. Die Byzantinischen Ranglisten nach dem Kletorologion Philothei (De cer. II, cap. 52) und nach den Jerusalem Handschriften. Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher, 5, 1926, S. 118 und passim.

⁷ Д. В. Беляев. Византизм, т. I. СПб., 1891, стр. 170 и др.